

Культура. — 1998. — 13—19 авг. — с. 13

Стадиону предпочтает сцену

Золотой лауреат "Майи"-96
о себе и своей жизни в искусстве

Солист Мариинки Вячеслав САМОДУРОВ в особом представлении не нуждается: "золотой" лауреат "Майи"-96, непременный герой театральных премьер. Он почти неуволим: назначив встречу, тотчас о ней забывает, что, впрочем, и неудивительно — его жизнь подчинена сумасшедшему гастрольному ритму. В театре вам расскажут о нем не одну красочную историю. Например, о том, как в Японии за ним гналась толпа фанаток с криками "Барышников!". Сам танцовщик это категорически отрицает. Правда, добавляет: "Похожее было в Корее. После "Золушки" я вышел из театра и подвергся атаке корейских поклонниц. Как Алла Борисовна Пугачева, я был спасен полицейским, который проводил меня к автобусу. Было почти приятно". В общем, он несет нелегкое бремя славы.

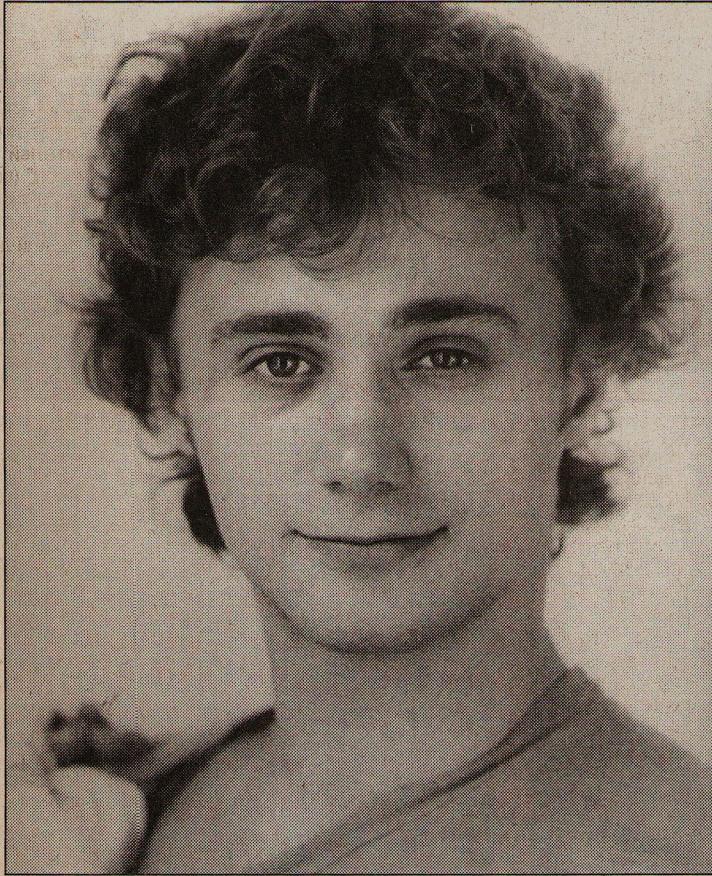

Фото Н.РАЗИНой

— Как же вы дошли до жизни такой?

— Артистом балета я стал благодаря цепи трагических обстоятельств. Ну не трагических, конечно, но роковых. У меня самого большого желания не было. Как и большинство ребят, я оказался в хореографическом училище по воле родителей. А до того занимался фигурным катанием в ЦСК. Вот это дело я как раз очень любил. Но, увы, не был фигуристом-вундеркиндом. В ЦСК и подсказали родителям отдать меня в балет. Дескать, мальчик танцует лучше, чем катается.

— Как все-таки складываются взаимоотношения таланта и по-

клонников?

— Да никак. Не могу сказать, что они серьезно отражаются на моей жизни. У меня свой круг друзей, куда почти не проникают ветры извне.

— Правду ли говорят, что самые экспансивные балетоманы — в Японии?

— Да. Вообще, чем дальше от Европы, тем сильнее любят балет — меньше понимают, но горячее любят. В Японии или Бразилии Киров-балет равнозначен Майклу Джексону. На последних гастролях в Бразилии мы собирали пятитысячный стадион. С одной стороны, это воодушевляет, а с другой, понимаешь, что встречаешь не самую

компетентную реакцию — твой танец может быть гораздо хуже, чем тебе кажется после восторженных криков публики.

— Рассказывают, что Матильда Кшесинская накануне спектакля весь день лежала на диване и ела лишь бутерброды с икрой. В современных западных труппах день спектакля для солистов мало отличается от про- чих дней: тот же класс и репетиции. Какой режим вам по душе?

— Когда труппа находится в Петербурге — это одно. На гастролях же все иначе. В Петербурге я могу позволить себе накануне спектакля щадящий режим, а в день спектакля — хорошоенько высаться, потому что чем больше я сплю днем, тем лучше себя чувствую вечером. Но когда мы на гастролях, спектакли идут каждый день — тут уж не до сна. И ничего, организм справляется. Класс, репетиции, вечерний спектакль... Вполне приемлемо. В конце концов ко всему можно привыкнуть.

— Есть что-то, что является для вас пыткой, но вы обязаны это делать?

— Да. Я не хочу, но приходится бороться со своими недостатками. Как человек честный я не могу закрыть на них глаза.

— И успешно боретесь?

— Об этом судить зрителям.

— Бывают моменты, когда не хочется выходить на сцену?

— Не хочется, когда знаешь, что не готов. Но приходится пересиливать себя и выдать максимум того, что можешь. На то и есть профессионализм, чтобы достойно выйти из любой ситуации.

— Что кажется вам самым приятным в вашей профессии?

— Приятно прийти утром в зал, позаниматься, порепетировать. Приятно прийти в театр, подготовиться к спектаклю и выйти на сцену. Тяжело, но тоже приятно потом посмотреть, что получилось хорошо, а что — нет. Приятен весь процесс работы.

— Был ли случай, который, на ваш взгляд, круто повернул вашу судьбу?

— Не круто, но... Таким событием стал конкурс "Майя". Он не перевернул мою жизнь, поскольку мало что вообще может перевернуть жизнь артиста в академическом театре, но придал уверенности в себе, помог добиться известности в профессиональных кругах. Кроме того, конкурс — это интересная работа прежде всего для самого себя.

— Остается ли у вас время на какое-либо хобби?

— Слово "хобби" у меня ассоциируется с какой-то навязчивой идеей: своеобразный вид болезни. У меня такого нет.

— А если не доводить до крайностей?

— Люблю общаться с друзьями. Люблю музыку и литературу. Но здесь нелегко сказать, что нравится больше всего. Все накатывает волнами. Сейчас мне очень нравится барочная музыка. Но вкусы меняются. Так же и с литературой. Одно время увлекала проза Кафки. Потом я бросился перечитывать Достоевского. Только что завершился период Гессе.

— Вам хотелось бы воплотить в танце какой-нибудь литературный персонаж?

— Сложный вопрос... Мой нынешний репертуар настолько ограничен, я так много еще не станцевал, что стоит ли говорить о чем-то конкретном? Честно говоря, я редко переношу литературные впечатления непосредственно на балет. Все прочитанное — это плюс к моему жизненному опыту. Но я не представляю, как можно Набокова, например, перевести на язык танца. А главное — зачем?

— Как попало в ваш репертуар "Танго" Ханса ван Манена?

— Я, конечно, люблю классический балет. Но всегда хочется попробовать что-то новое. Этую вариацию из балета "Пять танго" я видел много раз. Поехал в Голландию и попросил у хореографа разрешения выучить ее. Он согласился и даже специально приехал, чтобы поработать со мной. Мне было очень интересно. Для Запада это такая же классика, как для нас — "Баядерка". Но для меня это был глоток свежего воздуха. Представьте: двухминутный "смертельный номер", который требует отточенной, филигранной работы ног, корпуса, совершенного владения телом.

— Существует ли роль, которую вы не исполните никогда и вам этого очень жаль?

— Нет. Комплекса "желаемого, но не станцеванного" у меня нет.

— Легко ли вас в чем-то переубедить?

— Нет. Я очень упрям, и это проявляется во всем. Пожалуй, упрямство — мое основное качество.

— Как бы вы описали себя?

— Боюсь, не смогу. Меня шарахают из крайности в крайность. Так что поместить себя в какие-то рамки вряд ли получится.

— Какое впечатление вы хотели бы производить на окружающих?

— Хочется, конечно, производить положительное, не выглядывать свои недостатки. Но что-то очень уж положительное всегда навевает положительную скуку. Все мы привлекательны своей чертовщинкой.

Беседу вели
Юлия ЯКОВЛЕВА
Санкт-Петербург